



**Рец. на кн.: TOMMASO PIFFER, VLADISLAV ZUBOK (EDS.).  
*TOTALITARIAN SOCIETIES AND DEMOCRATIC TRANSITION:  
ESSAYS IN MEMORY OF VICTOR ZASLAVSKY.***

**Budapest; N.Y.: CEU Press, 2017. 435 p.**

**Денис Эдуардович Летняков**

Российская академия народного хозяйства  
и государственной службы при Президенте РФ  
84 пр. Вернадского, Москва, Россия  
letnyakov@mail.ru

**Аннотация:** Рецензия посвящена книге «Тоталитарные общества и демократический транзит: Очерки в память о Викторе Заславском». Вошедшие в сборник тексты объединены одной темой и освещают вопросы теории и истории тоталитарных обществ в сравнительной перспективе и анализ транзита посткоммунистических стран (в первую очередь России) от тоталитаризма к демократии. Участие в проекте историков, социологов, политологов, славистов позволило реализовать междисциплинарный подход к изучаемому предмету.

**Ключевые слова:** тоталитаризм, сталинизм, фашизм, нацизм, демократический транзит, постсоветская Россия, Восточный блок, Виктор Заславский.

**Для ссылки:** Летняков Д. Рец. на кн.: Tommaso Piffer, Vladislav Zubok (eds.). *Totalitarian Societies and Democratic Transition: Essays in memory of Victor Zaslavsky*. Budapest; N.Y.: CEU Press, 2017. 435 p. // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 242–253.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-39-242-253

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/039/letnyakov.pdf>

---

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЈ ФОРУМ, 2018, NO. 39

**A Review of TOMMASO PIFFER, VLADISLAV ZUBOK (EDS.),  
*TOTALITARIAN SOCIETIES AND DEMOCRATIC TRANSITION:  
ESSAYS IN MEMORY OF VICTOR ZASLAVSKY.* BUDAPEST;**

**New York: CEU Press, 2017, 435 pp.**

**Denis Letnyakov**

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration  
84 Vernadskogo Av., Moscow, Russia  
letnyakov@mail.ru

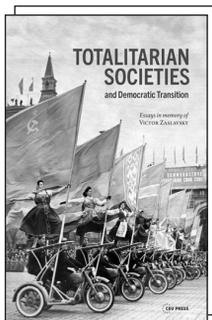
**Abstract:** The review deals with the book *Totalitarian Societies and Democratic Transition: Essays in Memory of Victor Zaslavsky*. The chapters of this volume are integrated by a single topic and deal with questions of theory and history of totalitarian societies in a comparative perspective and analysis of post-communist transition from totalitarianism to democracy. The fact that historians, sociologists, political scientists and Slavists became contributors to this project allowed to implement an interdisciplinary approach to the subject matter.

**Keywords:** totalitarianism, Stalinism, fascism, Nazism, democratic transition, post-Soviet Russia, East bloc, Victor Zaslavsky.

**To cite:** Letnyakov D., 'A Review of Tommaso Piffer, Vladislav Zubok (eds.), *Totalitarian Societies and Democratic Transition: Essays in memory of Victor Zaslavsky*. Budapest; New York: CEU Press, 2017, 435 pp.', *Anthropologicheskij forum*, 2018, no. 39, pp. 242–253.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-39-242-253

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/039/letnyakov.pdf>



Рец. на кн.: **Tommaso Piffer, Vladislav Zubok (eds.).**  
*Totalitarian Societies and Democratic Transition: Essays*  
*in memory of Victor Zaslavsky.* Budapest;  
 N.Y.: CEU Press, 2017. 435 p.

Рецензия посвящена книге «Тоталитарные общества и демократический транзит: Очерки в память о Викторе Заславском». Вошедшие в сборник тексты объединены одной темой и освещают вопросы теории и истории тоталитарных обществ в сравнительной перспективе и анализ транзита посткоммунистических стран (в первую очередь России) от тоталитаризма к демократии. Участие в проекте историков, социологов, политологов, славистов позволило реализовать междисциплинарный подход к изучаемому предмету.

Ключевые слова: тоталитаризм, сталинизм, фашизм, нацизм, демократический транзит, постсоветская Россия, Восточный блок, Виктор Заславский.

Темы, которые поднимаются в рецензируемом сборнике, — природа тоталитарной власти и трудности преодоления ее наследия, судьба интеллектуала в несвободном обществе, историческая память о тоталитаризме и пр. — не первый год являются предметом достаточно интенсивного исследовательского интереса. При этом из-за масштабности и многогранности обозначенных проблем никогда не возникает ощущения их исчерпанности, окончательной выработки — возвращаться к ним можно снова и снова. В данном случае поводом к такому возвращению стало желание почтить память Виктора Заславского (1937–2009) — историка, социолога, который эмигрировал из СССР в 1975 г. и затем весьма плодотворно работал в Италии и Северной Америке. Как указывают во введении редакторы книги Томмазо Пиффер и Владислав Зубок, в последние годы жизни Заславский считал важнейшей для себя темой анализ тоталитарного опыта коммунистических обществ и их трудного транзита к новой социальности после крушения Восточного блока. Этим вопросам главным образом и посвящены вошедшие в книгу семнадцать эссе европейских, американских и российских исследователей, большинство из которых были знакомы с Заславским лично (хотя в сборнике рассматривается опыт не только левого тоталитаризма, но и фашизма и нацизма).

**Денис Эдуардович Летняков**  
 Российская академия  
 народного хозяйства  
 и государственной службы  
 при Президенте РФ,  
 Москва, Россия  
 letnyakov@mail.ru

Книга разделена на три примерно равные части. Первая («Теория и дебаты») носит концептуальный характер и посвящена в основном обсуждению самого феномена тоталитаризма, анализу его исторических, культурных и идеологических корней. Во втором разделе («История и общество») представлены различные аспекты истории советского, нацистского и фашистского режимов. Участники третьей части («За пределами тоталитаризма») концентрируются преимущественно вокруг таких тем, как инакомыслие в рамках коммунистического режима, а также преодоление коммунистического наследия после распада СССР.

Открывает книгу статья Питера Баера, который сравнивает концепцию тоталитаризма Заславского с теорией одного из наиболее влиятельных авторов, писавших об этом феномене, Ханны Арентс. И Арентс, и Заславский признавали уникальность тоталитарных режимов, порожденных особыми обстоятельствами XX в. и потому отличных от других форм автократий, которые существовали прежде (в частности, Арентс подчеркивала, что тоталитаризм не просто ограничивает свободу, но стремится полностью вытравить любой плюрализм и спонтанность из человеческой жизни, лишить человека субъектности!). Оба исследователя считали всеохватывающий террор и господствующую идеологию двумя наиболее явными чертами тоталитаризма, оба склонны были усматривать значительные сходства в нацистском и советском режимах. Но в подходах Арентс и Заславского было и принципиальное различие: первая редуцировала опыт советского тоталитаризма к сталинизму, второй же полагал тоталитарным весь советский период.

Заславский выделяет две фазы в рамках функционирования тоталитарного режима: фазу формирования системы и фазу ее воспроизводства (“system maintenance”). Первая соответствует ленинско-сталинскому периоду, вторая — хрущевско-брежневскому. Таким образом, то, что Арентс принимает за тоталитаризм как таковой, для Заславского лишь этап его становления, который потому и был отмечен беспрецедентно высоким уровнем насилия. Массовый террор был неотъемлемой частью процесса построения тоталитарной системы и форсированной модернизации страны. Когда в середине 1950-х гг. тоталитарная система переходит к фазе стабилизации, она приобретает менее

<sup>1</sup> В этом смысле весьма характерно ее наблюдение за моральным обликом немецкого общества после победы союзников: «С падением нацизма немцы обнаружили, что перед ними снова открылись факты и реальность. Но опыт тоталитаризма лишил их всякой спонтанной речи и понимания, так что теперь, не имея никакой официальной линии, которой они могли бы руководствоваться, они оказались как будто безмолвны, неспособны четко сформулировать мысль и адекватно выразить свои чувства» [Арендс 2018: 428].

«людоедский» характер. Однако по своей сути природа режима все равно остается неизменной: сохраняются верховенство партийно-государственного аппарата и огромная роль всепроникающей репрессивной машины, по-прежнему ограничиваются связи с внешним миром, но главное — осуществляется та степень контроля над гражданами, которую не знали все другие разновидности диктатур.

В статье «Европейский либерализм в эпоху тоталитаризма» Джованни Орсина рассматривает подъем тоталитаризма как следствие кризиса либерального проекта, порожденного эпохой модернити. Либерализм стремился предложить более гуманную альтернативу революционному пути перехода от «старого порядка» к современности. Орсина описывает либеральный проект как прогрессивный (в его основе лежит идея социальной трансформации), утопический (исходит из оптимистической философии истории, согласно которой человечество может достичь состояния свободной кооперации), педагогический (для реализации либерального проекта люди должны учиться толерантности, разумности, сознательности и пр.), цельный (проект должен быть реализован во всех областях, от экономической до культурной) и универсалистский (имеет планетарные амбиции). Альтернативы либерализму, в т.ч. тоталитарные, родились как реакция на его внутренние слабости и противоречия. Так, несмотря на свой универсализм, либерализм может быть реализован только на подготовленной почве — в обществе, которое достигло некоторой ступени развития и зрелости. Кроме того, обещая прогресс, либеральная идеология предлагает человечеству просто верить в него, что довольно трудно, если в реальности вы, подобно современникам Гитлера и Муссолини, сталкиваетесь с бесконечными войнами, катастрофами и масштабными экономическими кризисами вроде Великой депрессии. В непростых социальных условиях конца XIX — первой половины XX в. тоталитаризм, который предложил четкое разделение на «правых» и «виноватых», пообещал защиту от реальных или воображаемых угроз, показался массам более привлекательной альтернативой «мягкотелому» либерализму. Неслучайно время после Первой мировой войны стало провальным для всех либеральных партий в Европе.

Известный славист Витторио Страда написал для сборника статью «Тоталитаризм avant la lettre», в которой попытался обнаружить глубинные истоки тоталитаризма в самом марксизме. По его мнению, антисталинизм, который развивался внутри коммунистического движения (от Л. Троцкого до «шестьдесятников») склонен был рассматривать Сталина и созданную им систему как некое отклонение от марксизма, предательство его идеалов. Страда полагает, что это серьезное

заблуждение. В действительности марксизм изначально был чем-то вроде «политической» или «секулярной» религии, если пользоваться терминами Эрика Фёгелина и Раймона Арона соответственно. Это было течение, которое внешне являлось антирелигиозным и атеистическим, но при этом содержало такой же фанатичный компонент безграничной веры, как и те религиозные доктрины, с которыми оно боролось. Неслучайно многие теоретики так называемого «легального марксизма» (П. Струве, Н. Бердяев, С. Булгаков) смогли увидеть в коммунизме тоталитарные корни *avant la lettre*, т.е. еще до появления самого понятия «тоталитаризм». Так, Бердяев называл марксизм «религиозным социализмом», который не просто озабочен перестройкой экономической жизни, но превратился в догму, в целостное мировоззрение. Далеко не случайно и то, что именно на почве большевизма выросло такое течение, как богостроительство (А. Луначарский, М. Горький и др.). Отрицая трансцендентного бога и сверхъестественные силы, богостроители хотели учредить новую религию, основанную на вере во всеобщую революцию, которая объединит человечество в некое гармоничное единство, даст ответы на все вопросы бытия, освободит поработанные массы. Неудивительно поэтому, заключает Страда, что вскоре после революции в большевизме возник культ Ленина, а потом и Сталина, которые превратились в апостолов своеобразной квазирелигии.

Политолог Владимир Тисманяну ставит целью обнаружить черты, общие для коммунистического и нацистского режимов. Одной из таковых было не просто стремление к изменению социальных и экономических условий жизни, но идея максимально полной и всесторонней трансформации общества и «человеческого материала». Тоталитарные доктрины — это хилястические идеологии, в основе которых лежит вера в возможность создать совершенное общество, достичь великой социальной Утопии. Из максимализма целей вытекает и максимализм средств, поэтому тоталитарным экспериментам свойственен почти религиозный фанатизм («кто не с нами, тот против нас») и полное отрицание всех моральных, культурных и прочих барьеров, сдерживающих насилие.

Завершает первую часть статья Эмилио Джентиле, посвященная итальянскому фашизму. Автор констатирует, что понятия «фашизм» и «тоталитаризм» давно утратили связь друг с другом. Первый термин, возникнув в Италии, вскоре стал широко применяться по всему миру в отношении самых разных идеологий, практик и способов мышления. Что же касается тоталитаризма, то многие исследователи (в т.ч. Х. Арендт) вообще отказываются связывать его с итальянским опытом 1922—1943 гг., полагая, что режим Муссолини не был тоталитарным.

Джентиле напоминает, что изначально термин «тоталитаризм» изобрели противники фашизма внутри Италии для обозначения новой политической реальности, возникшей после прихода к власти Муссолини (впервые его использовал либерал Джованни Амендола). Эта новая реальность заключалась прежде всего в появлении военизированной партии, которая широко использовала насилие по отношению к оппонентам. Насилие стало ключевым ресурсом фашистов для прихода к власти, аналогичные практики давления и террора в отношении «антинациональных элементов» оставались главным средством, с помощью которого фашистская партия распространяла свой контроль над страной после 1922 г.

Исторический раздел открывается двумя работами российских исследователей, посвященных сталинской диктатуре. Автор первого, Владимир Печатнов, стремится, по его словам, «добавить несколько штрихов к портрету» создателя советской тоталитарной системы, реконструируя отдельные аспекты мировоззрения Сталина, его отношение к власти, к людям, которыми он управлял, к внешнему миру и т.д. В целом образ, получившийся у Печатнова, трудно назвать неожиданным — перед нами человек, который не просто считает себя «хозяйном» государства, но и полностью идентифицирует себя с ним, который видит смысл своей жизни в том, чтобы войти в историю как строитель величайшей державы, не считаясь на пути к этой цели с человеческими жертвами и другими «издержками». Отдельные предположения Печатнова звучат при этом неожиданно, например он полагает, что одной из скрытых причин развернувшейся в послевоенном СССР «борьбы с космополитизмом» было желание вождя вытравить у своих подданных традиционный комплекс неполноценности перед Западом.

Автор второй статьи Олег Хлевнюк показывает, как функционировала сталинская репрессивная машина. В частности, историк отвергает представления так называемых «ревизионистов» о том, что террор не всегда был инициирован лично Сталиным, а зачастую был процессом спонтанным, идущим с мест. По словам Хлевнюка, документы подтверждают, что система террора была в высшей степени централизованной, что существовал отработанный механизм запуска и прекращения массовых кампаний по команде из Москвы, равно как и практика утверждения квот по репрессированным. Другой важный тезис состоит в том, что при подсчете жертв сталинского террора непродуктивно проводить различие между политическими и уголовными заключенными. В ситуации, когда государством были сознательно криминализированы все сферы социально-экономической и политической жизни, а реальные сроки не-

редко давали за малозначительные преступления («закон о трех колосках»), многих «уголовных» можно рассматривать как таких же жертв тоталитарного произвола. Пытаясь в целом оценить масштаб насилия, исходившего от государства в тот период, Хлевнюк приходит к выводу, что между 1930 и 1952 гг. тем или иным формам репрессий в СССР было подвергнуто не менее 60 млн человек. Несколько слов историк посвящает и часто дебатруемому вопросу о сталинской модернизации. Крайне негативно оценивая ее опыт, он язвительно пишет о том, что, вопреки расхожему мнению, Сталин оставил страну одновременно с сохой и с атомной бомбой — такие перекосы в развитии общества, когда прорыв в одних сферах основывался на архаизации других, были прямым следствием выбранной Сталиным стратегии форсированной индустриализации.

Эссе Андреа Грациози посвящено решению «национального вопроса» в Советском Союзе, автор демонстрирует, как процессы, происходившие в этой сфере внутри СССР, влияли на пересмотр исследовательских парадигм, возникновение новых подходов и появление важных научных работ в рамках западной советологии и «национализмоведения» (скажем, выход в 1972 г. пионерской работы Цви Гительмана “*Jewish Nationality and Soviet Politics*” был связан с возвращением официального антисемитизма в брежневскую эпоху).

Инесса Яжборовская анализирует процесс трансформации официального дискурса советских, а затем и российских властей по поводу одного из известнейших преступлений тоталитаризма — Катинского расстрела. Исследователь вводит понятие «катынского синдрома», который все эти годы осложняет отношения между Польшей и СССР / Россией. Она показывает, что для отечественного политического класса и общественного мнения всегда было крайне трудно признать ответственности за Катынь. Это порождало попытки на самом высоком уровне затормозить расследование этого дела даже в горбачевские и ельцинские годы (казалось бы, наиболее благоприятные для ликвидации «белых пятен» в истории), а также привело к появлению многочисленных фальсификаций и контрмифов, вроде попытки раскрутить историю с гибелью в польских тюрьмах десятков тысяч советских военнопленных, оказавшихся там в ходе войны 1919–1921 гг.

Работа Дэвида Холлоуэя посвящена положению науки в тоталитарных государствах. В нацистском и сталинском режимах роль науки была чрезвычайно высока, в т.ч. и как средства легитимации тоталитарной власти. В СССР это было связано с тем, что господствующая марксистская идеология претендовала на открытие научного подхода к развитию общества («на-

учный коммунизм», диалектика, материализм и пр.). Нацисты же широко опирались на антропологию и медицину для придания гитлеровскому расизму видимости научной респектабельности. Также в СССР и Германии успешно развивались целые отрасли науки, получая щедрое государственное финансирование. Разными были и стратегии поведения ученых при тоталитаризме — разумеется, кто-то не боялся заявлять свою гражданскую позицию и отстаивать идею академических свобод, но многие, напротив, использовали сложившуюся ситуацию для расправы над конкурентами или же просто приспособливались к текущему моменту. Все это, по мнению автора, показывает несостоятельность слишком оптимистического взгляда на науку, сложившегося в Новое время, как на исключительно цивилизующую силу, которая воплощает гуманистические и прогрессивные ценности.

В заключительной статье этой части Мария Тереза Джусти рассказывает историю обращения пламенного фашиста Данило Ферретти в не менее горячего сторонника коммунизма. Такая мировоззренческая траектория не была исключением — целый ряд бывших фашистов после свержения режима Муссолини влились в ряды Итальянской коммунистической партии, но история Ферретти кажется автору особенно интересной, учитывая обстоятельства, в которых это «обращение» произошло — пребывание в советском плену после разгрома итальянских частей на Восточном фронте в 1942–1943 гг. Джусти пытается понять причины случившегося, анализируя биографию Ферретти, его дневники и воспоминания. В итоге она делает вывод, что большую роль в судьбе ее героя сыграла его изначальная установка на поиск социальной справедливости — его привлекал в фашизме прежде всего революционный и антибуржуазный пафос, режим Муссолини виделся ему единственной возможностью осуществить глубокие социальные изменения в Италии и Европе. Возможно, эта история лишний раз доказывает глубинное духовное родство различных тоталитарных идеологий XX в. — человек, попавший под очарование одной из них, мог легко поддаться влиянию другой.

Третий раздел открывается статьей Велько Вуячича, в которой тот проводит интересные параллели между творчеством таких разных по своему мировоззрению писателей, как Александр Солженицын и Василий Гроссман. По мнению Вуячича, «неославянофила» Солженицына и «западника» Гроссмана объединяет, в частности, концепция «двух России»: России государственной и России народной. Причем в данной оптике государство неизменно рассматривается как чуждая, подавляющая народ сила. У Солженицына автор усматривает такие мотивы прежде всего в «Матренином дворе», главная героиня которо-

го является символом русского народа, раздавленного бесчеловечной советской модернизацией, у Гроссмана же в «Жизни и судьбе» основной темой становится конфронтация между давлением репрессивного государства и силой личной свободы простого человека. Как пишет Вуячич, противопоставление народа и государства — один из лейтмотивов у русской интеллигенции, подобные настроения можно усмотреть в творчестве «писателей-деревенщиков» или в знаменитом ахматовском «Реквиеме». Литературную тему продолжает Антонелла д'Амелия. На примере Лидии Корнеевны Чуковской, литератора, редактора и критика, она показывает трагическую судьбу интеллектуала в тоталитарном обществе. Хотя семья Чуковской и она сама пострадали в годы сталинского террора, ей все же повезло: она не сгинула в лагерях и сумела оставить пронзительное воспоминание о периоде «ежовщины» — повесть «Софья Петровна». Позже, уже в 1960–1970-е гг., Чуковская неоднократно выступала в защиту диссидентов и пыталась рассказать правду о сталинизме в своих очерках, статьях и других произведениях (самыми значительными из них стали «Записки об Анне Ахматовой» и автобиографическая повесть «Прочерк»).

В статье, написанной Львом Гудковым, речь идет о наследии тоталитаризма в постсоветской России. Автор констатирует, что сегодня теория тоталитаризма склонна рассматривать свой предмет исследования как феномен, существовавший только на определенном историческом этапе, а потому после распада СССР интерес к концепту «тоталитаризм» резко снизился. Доминирующей для описания посткоммунистических обществ стала транзитологическая парадигма. Но изучение тоталитаризма имеет не только исторический интерес, поскольку тоталитарные институты и практики имеют тенденцию к воспроизводству, что очевидно в случае современной России. Демонтаж несущих конструкций тоталитаризма здесь происходил крайне неравномерно, разными были скорость и масштаб перемен в отдельных сегментах институциональной системы — изменения нарастали пропорционально их удаленности от структур, которые обеспечивали организацию власти и контроль над обществом. Иными словами, наиболее значительные трансформации в постсоветские годы произошли в сфере потребления и, шире, в экономике (возникли институты рынка, появились целые отрасли вроде IT, мобильной связи и пр.), в то время как институты и практики, связанные с организацией и осуществлением власти (секретные службы, МВД, прокуратура, армия, РПЦ, механизмы элитного обновления и т.д.) оказались весьма устойчивыми к любым пертурбациям. Решение Б. Ельцина назначить своим преемником представителя спецслужб только способствовало усилению этих опор «старого режима».

Существует, однако, важное отличие: если классические тоталитаризмы основывались на мобилизации населения во имя строительства нового общества, то современный российский режим, который не имеет образа будущего, стремится лишь защитить статус-кво, а потому строится на поощрении политической пассивности, инертности и демобилизации общества.

Гейл Лapidус исследует процесс поиска новой постимперской идентичности, предпринимаемого отечественным политическим классом с момента перестройки и особенно после распада СССР. 1990-е гг. рассматриваются Лapidус как фаза федерализма «по умолчанию», когда вследствие слабости центральной власти и роста центробежных тенденций Москва была вынуждена идти на компромисс с региональными элитами. Это привело к тому, что в публичном дискурсе и официальных документах акцент делался на российской «многонациональности», федеративных принципах и общегражданской лояльности. При этом выстроить связную и понятную концепцию российской идентичности в правление Б. Ельцина так и не удалось. После прихода к власти В. Путина обнаруживаются тенденции к ослаблению этнофедеративной структуры России и созданию де-факто унитарного государства. В этом контексте логично, что упор был сделан на консолидацию российского общества вокруг идеологии единства и сильного государства, причем важным символическим ресурсом для власти выступает русский национализм (в ущерб ставшему менее заметным концепту «многонациональности»).

Финальная статья книги написана Марком Крамером, который обращается к теме коллективной памяти. Крамер рассуждает о трудностях, которые возникают в любом обществе, когда оно сталкивается с необходимостью примириться с нелицеприятными страницами собственной истории. Основное внимание автор уделяет двум бывшим коммунистическим странам, Польше и России. При изучении польского кейса он обращается, в частности, к такому вопросу, как участие поляков в уничтожении евреев в годы Второй мировой войны, анализируя общественный резонанс, вызванный публикацией трилогии Яна Гросса («Соседи», «Страх» и «Золотая жатва»). В адрес историка, поднявшего эту болезненную тему, звучали обвинения в «национальном предательстве» и «клевете на весь польский народ» со стороны некоторых политиков, представителей католической церкви и экспертного сообщества. Что же касается России, то ее главная проблема, по мысли Крамера, это невозможность полностью примириться с советским прошлым, дав при этом объективную оценку сталинизму. Мешает этому и нынешний статус России в качестве «правопреемницы СССР», который ведет к отождествлению России и Советско-

го Союза в глазах общества, и склонность нынешней российской элиты эксплуатировать символы и достижения советской эпохи, и то, что Крамер называет «избирательной памятью о коммунизме», — склонность людей идеализировать советское прошлое после травмирующего опыта 1990-х гг.

В завершение несколько слов об общем впечатлении от прочитанного. Думается, что эта книга должна быть интересна российскому читателю хотя бы потому, что в центре внимания находится именно советский тоталитарный опыт и его сегодняшнее наследие. Конечно, как это нередко бывает в подобных сборниках, не все статьи заслуживают одинакового внимания. Скажем, трудно назвать прорывным текст Андреа Грациози о «национальном вопросе» в СССР: на диалектику имперского и не-имперского в разные годы существования СССР с переходами от политики коренизации к сталинской модели «дружбы народов», от ассимиляторского задора Н. Хрущева («советский народ») к более осторожной национальной политике Л. Брежнева обращали внимание многие исследователи, и автору не удалось сказать что-то принципиально новое.

Вызывают сомнение и некоторые оценки происходящего в нынешней России. Спору нет, общественная атмосфера в нашей стране в последние годы внушает мало оптимизма, но при чтении книги возникает ощущение, что некоторым авторам временами не хватает более взвешенного подхода и более глубокого погружения в российский контекст. Это чувство проявляется, например, когда М. Крамер пытается провести параллели между путинской Россией и сталинским СССР: «Как Сталин организовал кровавую кампанию против евреев в конце 1940-х — начале 1950-х гг., поставив под вопрос их лояльность СССР, так же и сторонники Путина, которые яростно набросились на “предателей” и “пятую колонну” в России, часто были склонны нацеливаться на Льва Шлосберга, Григория Явлинского и других евреев с использованием очевидно антисемитской риторики» (р. 416). К счастью, в отличие от времен «ждановщины», описываемые Крамером проявления антисемитизма остаются явлением маргинальным — неслучайно для подтверждения своей мысли автору пришлось сослаться на людей, публикующихся в газете «Завтра» и на ресурсе «Новости Новороссии». Из этой же серии утверждение Крамера о том, что на государственных каналах «систематически» проводятся параллели между ролью Сталина во Второй мировой войне и ролью Путина в событиях в Сирии и на Украине (Р. 417), или сравнение молодежных организаций, создаваемых под эгидой российских властей, с Гитлерюгендом (Р. 418). Похожие претензии можно предъявить и Г. Липидус: мне кажется, она предлагает своему читателю слишком упрощенный взгляд

на вещи, заявляя, что в правление Путина идеология русского национализма вытесняет на периферию концепт российской «многонациональности» (все-таки в риторике «первых лиц» страны тезис о многонациональности и многоконфессиональности нашей страны по-прежнему остается структурообразующим), или рассматривая процесс объединения ряда российских регионов в 2003–2007 гг. как наступление на этнические меньшинства (Р. 372).

И все же благоприятное впечатление от книги явно перевешивает. В ней, безусловно, присутствует ряд интеллектуально провокативных моментов (к таковым я бы отнес попытку Л. Гудкова показать, что в каком-то смысле мы все еще живем на обломках тоталитаризма, а не в условиях новой постсоветской реальности). Есть здесь и интересные исторические сюжеты (я бы выделил главы Д. Холловэя о роли науки в тоталитарных режимах и И. Яжборовской о Катюни), а также то, что можно назвать примером хорошего литературно-философского эссе (например, статья о Лидии Чуковской, в которой А. д'Амелия разбирает ее повесть «Софья Петровна» и ставит вопрос о том, почему у советских людей не оказалось иммунитета против тоталитаризма). Пожалуй, можно сказать, что участникам сборника своим интеллектуальным вкладом в проект удалось достойно почтить память коллеги — Виктора Заславского.

#### Библиография

*Арендт Х.* Последствия нацистского правления: репортаж из Германии // *Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм.* М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. С. 420–453.

*Денис Летняков*

---

**A Review of Tommaso Piffer, Vladislav Zubok (eds.), *Totalitarian Societies and Democratic Transition: Essays in Memory of Victor Zaslavsky*. Budapest; New York: CEU Press, 2017, 435 pp.**

**Denis Letnyakov**

The Russian Presidential Academy of National Economy and  
Public Administration  
84 Vernadskogo Av., Moscow, Russia  
letnyakov@mail.ru

The review deals with the book *Totalitarian Societies and Democratic Transition: Essays in Memory of Victor Zaslavsky*. The chapters of this volume are integrated by a single topic and deal with questions of theory and history of totalitarian societies in a comparative perspective and analysis of post-communist transition from totalitarianism to democracy. The fact that historians, sociologists, political scientists and Slavists became contributors to this project allowed to implement an interdisciplinary approach to the subject matter.

Keywords: totalitarianism, Stalinism, fascism, Nazism, democratic transition, post-Soviet Russia, East Bloc, Victor Zaslavsky.

### References

Arendt H., 'Aftermath of Nazi Rule: Report from Germany', Arendt H., *Essays in Understanding, 1930–1954: Formation, Exile, and Totalitarianism*. New York: Schocken, 2005, pp. 240–269.